

УДК 341.98

**ДОКТРИНА «НЕУДОБНОГО СУДА»
И МАНИПУЛЯЦИИ С ПОДСУДНОСТЬЮ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ**

С. Э. Гафаров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 февраля 2011 г.

Аннотация: *в статье освещается зарубежная доктрина «неудобного суда». Обосновывается целесообразность ее использования по делам, обремененным иностранным элементом. Предлагается один из механизмов предотвращения злоупотреблений при выборе юрисдикции по спорам, обремененным иностранным элементом, с помощью доктрины «неудобного суда».*

Ключевые слова: *международная подсудность, доктрина «неудобного суда», злоупотребления при выборе юрисдикции.*

Abstract: *this article looks into the foreign forum non convenience theory, provides arguments for using it to regulate international jurisdiction in civil matters. On the basis of conclusions about forum non convenience the article suggests a way to control abuses of jurisdiction choice such as forum shopping in internationally burdened civil cases.*

Key words: *international jurisdiction in civil matters, forum non convenience, forum shopping.*

Доктрина «неудобного суда» — это правовая теория (или совокупность норм, если указанная теория закреплена в праве), которая позволяет суду, обладающему, согласно закону, полномочиями на рассмотрение гражданского дела, отклонить осуществление собственной юрисдикции, если дело будет гораздо эффективнее рассмотрено другим судом (в том числе иностранным).

Как отмечает Х. Шак, хотя данное учение родом из Шотландии, оно достигло своего наибольшего расцвета в США¹. А. Т. фон Мерен поясняет, что доктрина «неудобного суда» в США начала применяться после Второй мировой войны. До этого суды следовали четким правилам и критериям определения международной судебной юрисдикции².

Факторы для определения «более удобного» суда многообразны: близость суда к доказательствам и к предмету спора (в том числе возможность суда непосредственно исследовать доказательства на родном языке); общественные интересы — загруженность судов, обременение налогоплательщиков «чужими» процессами; место жительства сторон; возможность

---

¹ См.: Шак Х. Международное гражданское процессуальное право : учебник : пер. с нем. М., 2001. С. 240.

² См.: Arthur T. von Mehren. Adjudicatory Authority in Private International Law: A comparative Study. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2007. P. 272.

© Гафаров С. Э., 2011

исполнения решения в соответствующем государстве; быстрота судебного разбирательства; подлежащее применению право³.

Формулировки данного правила могут быть различными. Так, в ст. 3135 Гражданского кодекса Квебека указывается: «Даже если рассмотрение спора находится в юрисдикции органов власти Квебека, в исключительных случаях и по ходатайству стороны юрисдикция может быть отклонена ими, если они посчитают, что иностранные органы власти лучше разрешат данный спор»⁴. Во многих странах (например во Франции, Германии) данная доктрина не признается как вносящая неопределенность в правила международной подсудности⁵.

В контексте российской правовой науки подобная теория выглядит непривычно. Отечественная судебная практика и правоведение рассматривают установление юрисдикции чрезвычайно важным вопросом права. Право на рассмотрение дела по подсудности тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом, закреплено даже на уровне Конституции РФ. Представим себе, что на этом фоне судам предоставляется полномочие (например, в форме оставления заявления без рассмотрения) отказываться от осуществления юрисдикции в пользу иностранного суда в зависимости от того, насколько суд сочтет неудобным рассматривать дело с иностранным элементом.

Несмотря на необычность для восприятия, мы полагаем, что у доктрины «неудобного суда» имеются глубокие процессуальные корни. Подробный анализ оснований юрисдикции по делам с участием иностранных лиц (ст. 247 АПК РФ, ст. 402 ГПК РФ) показывает, что они содержат в себе те процессуальные факторы, которые обеспечивают эффективность судопроизводства по гражданским делам, обремененным иностранным элементом. Те самые факторы, которыми может оперировать доктрина «неудобного суда».

Осуществление юрисдикции по такому основанию, как нахождение ответчика (его филиала, имущества) на территории России, связано с возможностью исполнить в будущем решение российского суда, облегченным порядком уведомления ответчика. Факты исполнения договора, причинения вреда, возникновения неосновательного обогащения, выпуска ценных бумаг или иные юридические факты, имевшие место на территории России, обуславливают близость суда к доказательственной базе. Указанные процессуальные преимущества свидетельствуют о том, что суд более эффективно рассмотрит и разрешит гражданское дело.

Традиционно считается, что базис для создания правил международной подсудности – это принцип тесной связи (являющийся ключевым и в международном частном праве). По этой причине можно сказать, что в основании регулирования юрисдикции по гражданским делам, обремененным иностранным элементом, должна лежать специфическая сово-

---

³ См.: Шак Х. Указ. соч. С. 241.

⁴ См.: Arthur T. von Mehren. Op. cit. P. 269.

⁵ Ibid.

купность процессуально значимых связей дела с территорией государства. Конечно, можно устанавливать основания юрисдикции и по другим принципам: исключительная компетенция в отношении споров с участием граждан собственного государства, защита слабой стороны в процессе, исключительная компетенция по делам, затрагивающим вопросы государственной важности, и т.п.

В правовом регулировании указанные процессуальные факторы анализируются и закрепляются за наиболее частыми случаями их проявления. Так, предположим, в большинстве случаев место государственной регистрации юридического лица свидетельствует об осуществлении им деятельности в государстве, где оно зарегистрировано, в связи с чем именно в данном государстве удобнее всего, например, исполнить судебное решение. Это одно из соображений, формирующих правило о подсудности споров по месту нахождения ответчика. Указанных факторов, положенных законодателем в основу нормативных актов, может быть довольно. После создания нормы права эти основания часто остаются «за кадром» как само собой разумеющиеся и по прошествии времени забываются.

Такой подход к законодательной технике является логичным и вполне оправданным. Оценка процессуальных связей дела без четких правил о компетенции – значительно более трудоемкий и непредсказуемый процесс, нежели применение более ригидных, но и более определенных указаний, чем общий принцип тесной связи. Как мы знаем, каждое правило предполагает исключения. Может оказаться так, что при формальном соблюдении правил юрисдикции фактически за ними не стоят подразумевающиеся процессуальные преимущества. По этой причине вполне логично оценивать юрисдикцию и по этим процессуальным основаниям. Тогда суд может передать дело в другой суд, в котором оно будет рассмотрено гораздо более эффективно, где процессуальные преимущества действительно имеются. В этом свете идея доктрины «неудобного суда» выглядит вполне последовательной. Она может быть кратко выражена формулой: «Дело должно быть рассмотрено судом, в котором оно будет разрешено наиболее эффективно».

Доктрину «неудобного суда» можно иначе назвать доктриной «более удобного» или «более эффективного суда». По смыслу этой теории для международной подсудности отказ при наличии неудобств для национального суда происходит в пользу иностранной юрисдикции, где рассмотрение дела будет более быстрым, удобным, эффективным; где имеются обуславливающие эффективность правосудия факторы. Такой подход, учитывая сложности рассмотрения дел с иностранным элементом, соответствует принципу экономии процессуальных средств, своевременности рассмотрения гражданских дел, обеспечения реального доступа сторон к правосудию, но соответствует в том случае, если он грамотно реализован на уровне законодательства и правоприменительной практики.

С учетом необходимости перевода иностранных документов, истребования доказательств из-за границы, применения иностранного права,

которое требуется установить, и иных сложностей обремененных иностранным элементом судебных процессов очевидно и объяснимо стремление судов каким-либо образом избежать рассмотрения таких сложных дел. Как нам кажется, в судебной практике мы можем найти случаи, когда фактически российские суды исходят из доктрины «неудобного суда», отказывая в признании за собой компетенции при рассмотрении дела.

Например, в Постановлении Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа (далее также – ФАС СЗО) от 25 октября 2005 г. по делу № А05-3558/2005-23⁶ отражено: истец в обосновании компетенции арбитражного суда РФ ссылаясь на то, что по праву РФ исполнение договора в части уплаты денежных средств должно иметь место на территории России. Истец, таким образом, исходил из толкования места исполнения договора, согласно ст. 316 ГК РФ. Часть 3 ст. 1211 ГК РФ указывает, что, если не установлено иное, тесная связь спорного правоотношения определяется по стороне, исполнение которой имеет решающее значение для содержания договора. В данном случае такой стороной является продавец, т.е. истец.

Пункт 3 ч. 1 ст. 247 АПК РФ устанавливает компетенцию судов РФ, если «спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации» (аналогично п. 6 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ говорит: «иск вытекает из договора, по которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации»). Нормы международного частного права России указывают нам на применение Российского права, а ст. 316 ГК РФ – на то, что местом исполнения денежного обязательства по договору является место жительства или место нахождения кредитора. Однако Федеральный Арбитражный Суд Северо-Западного округа указал: «То обстоятельство, что денежное обязательство ответчика должно исполняться на территории Российской Федерации, обоснованно не расценено судом как место исполнения договора в целом»⁷. Получается, что, определяя место исполнения договора, ФАС СЗО исходил из некоего понятия «место исполнения договора в целом». Данное понятие, как мы полагаем, следует больше из «духа закона», нежели из конкретных определений места исполнения договора, согласно праву России или иностранного государства.

С другой стороны, подобное решение также означает, что п. 3 ч. 1 ст. 247 АПК РФ был истолкован ФАС СЗО как указывающий на некое «место исполнения договора в целом». Что такое «место исполнения договора в целом», если отличаются места исполнения обязательств каждой из сторон договора, сказать затруднительно. Можно провести аналогию с ч. 3 ст. 1211 ГК РФ о стороне, исполнение которой имеет решающее значение для содержания договора. В отношении п. 6 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ

---

⁶ Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 25.10.2005 г. по делу № А05-3558/2005-23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

следует заметить, что она допускает и частичное исполнение договора в качестве основания установления компетенции.

Указанная позиция ФАС СЗО, безусловно, обладает определенной юридической эстетикой. Между тем, наличие конкретного понятия «места исполнения договора» в национальном праве делает сомнительным осуществление квалификации места исполнения договора, исходя из духа законов, связанных с правоотношением. Автономную квалификацию следует применять тогда, когда возникает конфликт между правом разных стран, одновременно призванных урегулировать отношение, и иным образом осуществить регулирование невозможно⁸. Указанная мера является крайней, вынужденной, ее не следует применять тогда, когда вполне можно обойтись толкованием права конкретной страны.

ФАС СЗО при этом указал: «В любом случае тесная связь должна иметь какое-либо практическое обоснование: облегченный порядок исполнения будущего решения, сбора доказательств, защиту слабой стороны и т.д. В данном случае, как правильно указано судом, рассмотрение спора сопряжено с возможной необходимостью совершения процессуальных действий на территории Турции»⁹.

Таким образом, в качестве одного из аргументов в пользу отсутствия у российских судов юрисдикции ФАС СЗО приводит «возможную необходимость» совершения процессуальных действий на территории иностранного государства. На этом фоне толкование «места исполнения договора в целом» выглядит несколько неубедительно. Возникает впечатление, что суд фактически отказывает в юрисдикции российских судов по причине, что существует «возможная необходимость» совершения процессуальных действий на территории Турции, т.е. в связи с неудобностью рассмотрения дела. Следует отметить, что вероятность более удобного рассмотрения дела на территории иностранного суда вполне существует. Указанный случай из судебной практики демонстрирует, что с определенной долей вероятности суды уже фактически руководствуются духом доктрины «неудобного суда», напрямую не озвучивая, что побудительным мотивом к непризнанию ими своей компетенции в первую очередь послужили процессуальные факторы. По этой причине вполне целесообразно закрепить положения об отказе от национальной юрисдикции на законодательном уровне.

Так, «возможная необходимость совершения процессуальных действий на территории Турции», с нашей точки зрения, отнюдь не достаточна для установления целесообразности отказа от собственной юрисдикции в пользу турецких судов. Во-первых, такая необходимость должна быть «необходимой необходимостью», а не возможной. Во-вторых, следует установить, насколько такая необходимость создает неудобства для рассмотрения дела в национальном суде; в чем проявляются эти неудобства (невозможность судебного сотрудничества с судебными органами или

---

⁸ См.: Раане Л. Международное частное право. М., 1960. С. 111–112.

⁹ Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 25.10.2005 г. по делу № А05-3558/2005-23.

органами юстиции иностранного государства, чрезвычайно длительные сроки при возможности такого сотрудничества, невозможность исследовать доказательства иначе, как в Турции, объем доказательств, подлежащих исследованию за границей и др.) и в каких объективных пределах.

В-третьих, наконец, в иностранном суде должны быть более благоприятные условия для рассмотрения дела. Любой спор, обремененный иностранным элементом (как указывает слово «обремененный»), уже является усложненным по сравнению со спорами других категорий. Поэтому повышенная затруднительность рассмотреть подобный спор в суде России еще не должна являться основанием отказа от осуществления юрисдикции – одновременно должны наличествовать существенно более благоприятные условия для рассмотрения подобного спора в иностранном суде. Иностранному суду должен быть компетентным по указанной категории дел. Если дело не может быть принято иностранным судом, тот не признает себя компетентным – то отказ со стороны российского суда будет отказом в доступе к правосудию. Если оказывается, например, что и судам Турции потребуется также исследовать доказательства в России, и это также будет не быстрее, чем российскому суду исследовать доказательства из Турции, то нет оснований полагать, что рассмотрение дела при прочих равных условиях будет удобнее осуществить в суде Турции.

Мы предлагаем ввести следующую норму в процессуальное законодательство:

«Суд Российской Федерации оставляет заявление без рассмотрения в том случае, если будет установлено, что рассмотрение спора, обремененного иностранным элементом, в иностранном суде будет способствовать правильному, эффективному и своевременному рассмотрению спора, а в суде Российской Федерации рассмотрение указанного спора существенно затруднено.

При сравнении эффективности рассмотрения спора в суде Российской Федерации и в иностранном суде суд принимает во внимание временные затраты по исследованию доказательств по делу, возможность исполнения судебного решения по отношению к ответчику, быстроту судебного разбирательства, удобство установления подлежащего признанию права.

При отказе от осуществления собственной компетенции по делу суд указывает конкретные причины, по которым рассмотрение обремененного иностранным элементом дела более удобно осуществить в иностранном суде, а также указывает тот суд, рассмотрение дела в котором существенно будет способствовать правильному и эффективному разрешению гражданского дела, с указанием доказательств, на основании которых суд сделал такой вывод».

Такая норма послужит стимулом для российских судов осуществлять контакты с иностранным правосудием, узнавать, по каким основаниям и как осуществляется юрисдикция и исполнение национальных решений иностранными судами. На уровне разъяснений судебной практики целесообразно при введении подобной нормы сделать уточнение, что оценка

эффективности рассмотрения дела, обремененного иностранным элементом, также может устанавливаться на основе заключений, справок, сообщений от иностранных юрисдикционных органов или экспертов в области права, свидетельствующих о процессуальных условиях рассмотрения подобного спора в иностранном суде. Введение доктрины «существенно более удобного суда» в России при правильном ее регулировании и толковании высшими судебными инстанциями будет способствовать развитию общения между судебными системами России и иностранных государств, более эффективному разрешению гражданских дел, обремененных иностранным элементом.

В свою очередь, вопрос *существенно более удобного суда* тесно связан с проблемой злоупотребления правами при определении компетентного суда. Предъявление иска к нескольким ответчикам, среди которых присутствуют явно ненадлежащие ответчики, включенные в иск только с намерением обосновать желательную подсудность, объединение исковых требований в тех же целях – примеры частых сценариев *forum shopping* (манипуляций с подсудностью). В таких случаях принятие судом к рассмотрению заявления полностью базируется на основаниях подсудности, закрепленных в законе. Доктрина «более удобного суда» позволяет не осуществлять юрисдикцию по делу без необходимости доказывать злоупотребление правами одной из сторон.

Российское процессуальное право содержит очень небольшое количество возможностей противодействовать таким махинациям с подсудностью. Иногда совершенно очевидно, что несколько ответчиков никак не связаны со спорным правоотношением, и не будь они указаны в заявлении, дело было бы подсудно другому суду. На практике мы встречаем случаи, когда искусственный характер выбранной подсудности особенно очевиден, и суды применяют самые разнообразные возможности, чтобы выйти из положения. Поскольку российское гражданское и арбитражное процессуальное законодательство не содержит специальных положений о *forum shopping*, случаи противодействия злоупотреблениям в правоприменительной практике по делам с участием иностранных лиц, увы, пока единичны. Как высказался Высший Арбитражный Суд РФ, «согласно ст. 247 АПК РФ, истец вправе обратиться с иском в арбитражный суд в Российской Федерации о солидарном взыскании задолженности с должников, если один из них находится на территории Российской Федерации»¹⁰.

Приведем пример выбора суда путем включения в иск¹¹ одного или нескольких российских ответчиков¹²: истец обращается с иском к семи

---

¹⁰ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.09.2007 г. № 9833/07. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ В иске при подаче должны быть указаны такие ответчики. Привлечение подобных ответчиков, если по отношению к другим компетенции не имеется, влечет прекращение производства по делу (см.: Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 14.09.2001 г. по делу № КГ-А40/4994-01. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См., например: Постановление Федерального Арбитражного Суда Западно-

ответчикам, шесть из них являются кипрскими компаниями, одна – российской; у одной из компаний имеется счет в российском банке. В связи с этим Федеральный Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 25 апреля 2006 г. по делу № Ф03-А80/06-1/3 указал, что российский суд обладает компетенцией в силу ст. 35, 36, 247 АПК РФ¹³, несмотря на то, что между частью сторон дела было заключено арбитражное соглашение. С точки зрения закона действительно имеются основания для установления юрисдикции. Однако такие основания могут быть формальными, никак не выражающими тесной связи указанного спора с территорией России. Так, средства на счете в банке могут быть несоизмеримыми с исковыми требованиями; седьмой истец – добавлен исключительно в целях обоснования подсудности. Возможно, что дело действительно связано с территорией России, так как оффшорные Кипрские фирмы взаимодействуют именно с российской. В постановлении подробно обосновывается в части примененного права связь между истцом и российской компанией. Между тем, законодатель не предоставил ни суду, ни сторонам возможности не согласиться с формальными основаниями избранной подсудности.

В тех единичных случаях, когда суды пытаются противодействовать включению «дополнительных ответчиков» и рассмотрению дел с их участием, мы видим довольно революционные варианты разрешения вопроса компетенции суда в отношении иностранных лиц. Например, российская компания обратилась с иском к «Сибаронесс Маритайм Лтд», ООО «Кент Шипинг Лимитед», ООО «Судоходная компания “Алко”», компании «Кент Денизсилик Лтд Сти» и клубу взаимного страхования «Уэст оф Ингланд Шипоунерс Мьючуэл Иншуранс Ассошиэйшн (Люксембург)» о солидарном взыскании убытков из-за простоя судов вследствие повреждения шлюза одного из гидроузлов Волго-Донского государственного бассейнового управления водных путей и судоходства. Суд первой инстанции прекратил производство в отношении клуба взаимного страхования, так как требования к нему основаны на договоре страхования, а не на факте причинения вреда. Федеральный Арбитражный Суд Северо-Кавказского округа (далее – ФАС СКО) постановлением от 16 ноября 2006 г. по делу № Ф08-4005/2006¹⁴ поддержал позицию суда первой инстанции.

ФАС СКО указал, что по смыслу п. 4 ст. 247 АПК РФ требование должно вытекать непосредственно из причинения вреда. К клубу же не могут быть предъявлены солидарные требования как к непосредственным причинителям вреда в силу разнородности требований из причинения вреда

Сибирского округа от 01.11.2004 г. по делу № Ф04-7823/2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Постановление Федерального Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 25.04.2006 г. по делу № Ф03-А80/06-1/3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 16.11.2006 г. по делу № Ф08-4005/2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и отношений страхования. Исходя из этого, ФАС СКО сделал вывод, что, поскольку требование к страховщику выходит за пределы спорного правоотношения и оснований для установления юрисдикции в отношении клуба по ст. 247 АПК РФ не имеется, дело правильно прекращено производством в отношении клуба взаимного страхования по п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Как видно из текста постановления, клуб взаимного страхования «Уэст оф Ингланд Шипоунерс Мьючуэл Иншуранс Ассошиэйшн (Люксембург)» действительно не отвечал перед истцом за соответствующие убытки, нанесенные другими ответчиками. В связи с этим логичным и последовательным отношением к исковым требованиям к указанному клубу должен был явиться отказ в иске. Истец вправе предъявить требования любого характера к ответчику, и если они не имеют под собой законных оснований, то следствием этого является отказ в их удовлетворении. В настоящем случае ФАС СКО указал, что поскольку требования истца к отдельному ответчику необоснованны, то в отношении данного ответчика производство по делу следует прекратить. ФАС СКО также указал, что согласно ст. 247 АПК РФ, нет оснований для установления компетенции в отношении иска к клубу взаимного страхования (добавим: как если бы данный иск был предъявлен только к клубу). Между тем очевидно, что в одном исковом заявлении было указано несколько ответчиков и соединено несколько требований. На стадии возбуждения дела суд имел право возвратить исковое заявление по п. 2 ч. 1 ст. 129 АПК РФ¹⁵. Суд не воспользовался указанным правом.

Конечно, исключение иностранного лица из числа ответчиков несколько облегчает работу суда. Отпадает необходимость уведомлять соответствующее иностранное лицо, изучать представляемые таким лицом отзывы (которые могут повлечь необходимость исследования доказательств за границей, установление иностранного права). Между тем в отношении клуба в исковых требованиях в любом случае было бы отказано. Суд подменил отказ в удовлетворении исковых требований прекращением производства по делу.

Аналогично вопрос может быть поставлен по отношению к оставлению заявления без рассмотрения. Федеральный Арбитражный Суд Северо-Западного округа в постановлении от 18 апреля 2005 г. по делу № А56-39334/03 высказал свою позицию применительно к попытке обхода арбитражного соглашения. Истец, заключивший соглашение о рассмотрении спора в третейском суде с пятью ответчиками, предъявил иск в арбитражный суд, добавив шестого ответчика – ОАО «Мегафон», не являющегося стороной указанного соглашения. ФАС СЗО указал, что полностью оставление заявления без рассмотрения по п. 5 ст. 148 АПК РФ невозможно, так как ОАО «Мегафон» не является участником арбитражного соглашения.

---

¹⁵ Один из примеров подобных действий суда первой инстанции, признанных незаконными, отражен в Постановлении Федерального Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 июня 2008 г. № А78-1642/08-Ф02-2662/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ражного соглашения. В связи с этим ФАС СЗО отменил судебные акты нижестоящих инстанций в части оставления без рассмотрения исковых требований, предъявленных к ОАО «Мегафон»¹⁶. Также ФАС СЗО указывает, что отсутствие оснований для предъявления иска к ОАО «Мегафон» может быть основанием только для отказа в иске, но не для оставления иска без рассмотрения (в чем мы усматриваем коренное различие с позицией ФАС СКО из вышеприведенного постановления от 16 ноября 2006 г. по делу № Ф08-4005/2006). Данный подход ФАС СЗО представляется нам весьма творческим. Суд исключил всех, кроме «добавленного», ненадлежащего ответчика. Этим он оградил добросовестных лиц от злоупотреблений со стороны истца по обходу заключенного третейского соглашения. Если соединить оба описанных нами подхода (примененных ФАС СКО и ФАС СЗО), то мы можем получить весьма эффективное правило: *если истец предъявляет в суд Российской Федерации иск по делу с участием нескольких лиц, и в отношении одного из лиц суд РФ не признает себя компетентным, как если бы иск был предъявлен только к этому лицу, то суд оставляет требования к такому лицу без рассмотрения, если требования к нему находятся за пределами спорного правоотношения к лицу, в отношении требований к которому компетенция суда РФ имеется.*

Суд проверяет, во-первых, в отношении каких ответчиков в отдельности имеются основания для установления международной подсудности; во-вторых, как соотносятся спорные правоотношения в отношении указанных ответчиков в заявленных требованиях. Такой подход требует определенных концептуальных изменений в законодательстве. Нужно сказать, что в настоящий момент в приведенной нами судебной практике уже отмечаются кардинальные изменения в подходе к гражданскому делу. Прекращение производства или оставление искового заявления без рассмотрения в отношении отдельных ответчиков само по себе не укладывается в привычное понимание гражданского дела. Статья 148 АПК РФ объектом того, что оставляют без рассмотрения, называет «исковое заявление», а ст. 222 ГПК РФ – «заявление». Фактически без рассмотрения остается возбужденное гражданское дело по заявлению или исковому заявлению. В случае прекращения производства по делу и АПК РФ, и ГПК РФ говорят о деле как о том объекте, который суд прекращает.

ФАС СКО прекращает производство по делу в отношении одного из ответчиков. Таким образом, гражданское дело остается в производстве, но в измененном виде. Фактически ФАС СКО осуществляет «исключение ненадлежащего ответчика». Норм АПК РФ или ГПК РФ, позволяющих исключить ненадлежащего ответчика, не имеется. Статья 47 АПК РФ допускает замену ненадлежащего ответчика или добавление надлежащего ответчика только с согласия истца; ст. 41 ГПК РФ также допускает

---

¹⁶ Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 18.04.2005 г. по делу № А56-39334/03. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

замену ненадлежащего ответчика с согласия истца. Правда, истец в такой ситуации все равно достигает искомую цель – дело рассматривается судом, выбранным истцом.

Аналогичен случай с оставлением требований к части ответчиков без рассмотрения. Оставляется без рассмотрения не все дело или «исковое заявление», «заявление», а какая-то его часть. Получается, что в процессуальном праве требуется уточнить понятие гражданского дела и его элементов. Такой подход к недопущению *forum shopping* требует существенной переработки законодательства и теории права. Указанные случаи из приведенной судебной практики наглядно свидетельствуют, что действенных средств для предотвращения злоупотреблений с подсудностью в современном российском процессуальном праве не имеется.

Мы полагаем, что реализация доктрины «неудобного» или «более эффективного суда» может существенно способствовать разрешению проблемы *forum shopping*. Основной целью проверки наличия юрисдикции по спору является установление факта возможности осуществления российским судом эффективного рассмотрения и разрешения спора. Как мы говорили, каждое основание для установления юрисдикции (ст. 247 АПК РФ, ст. 402 ГПК РФ) косвенно подразумевает наличие тех процессуальных связей, факторов, которые обеспечивают эффективность правосудия.

Для устранения нежелательных ситуаций, когда только формально имеют место основания для установления юрисдикции – как в случаях с *forum shopping* – возможна и целесообразна оценка тех процессуальных факторов, которые обеспечивают эффективность правосудия по делам, обремененным иностранным элементом. Это гораздо экономичнее и проще, нежели доказывать злоупотребления правом истцом.

Воронежский государственный университет

Гафаров С. Э., аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета

E-mail: vrrenx@gmail.com

Тел.: 8-951-555-72-30

Voronezh State University

Gafarov S. E., Post-graduate Student of Civil Law and Civil Procedure Department of Faculty of Law

E-mail: vrrenx@gmail.com

Tel.: 8-951-555-72-30